

здорового смысла, ясности и положительности в уме».⁵⁶ Эти слова, хотя они и сказаны в иной связи, стоит вспомнить. Русская письменность с XI по XV в. вовсе не знала произведений мистического содержания, и позже они не получали значительного развития. Что касается живописи, то в дальнейшем мы попытаемся выяснить, как воспринималась она современниками. Сейчас же можно отметить, что мистических тем в собственном смысле этого слова нет или мало в искусстве Руси XI—XV вв., и если А. А. Федоров-Давыдов приводит в качестве примера изображение Евхаристии в Киево-Софийском соборе,⁵⁷ то только по недоразумению: тема Евхаристии — богословско-догматическая. Точно так же древнерусская живопись отнюдь не часто прибегала к символам, и изображений с символическим содержанием (если исключить XVI в.) в ней немного. Мнение такого ученого, как Н. П. Кондаков, будет в этом вопросе весьма авторитетным. В книге, посвященной русской иконописи, он писал: «выделяя в особую историческую главу отдел мистико-догматических икон как определенный исторический тип XV—XVI веков, тем самым желательно устранить предвзятое понимание нашей иконописи, будто бы искони содержавшей в своих темах мистическую символику как присущую ее религиозно-философскому мирозерцанию духовную сторону... Мы не можем видеть в этом отделе ни особого народного понимания религии, ни мистических настроений русского общества».⁵⁸

В древнерусском искусстве преобладали темы конкретно-исторические. Такими исторически достоверными были, в понимании современников, сюжеты библейской истории и события, рассказываемые житиями. Изобразительное искусство не отличалось в этом отношении от литературы. В произведениях последней фантастика, чудеса вводились «только под знаком чего-то исторически верного, реально случившегося. Писатель и читатель были по большей части уверены в том, что все, о чем пишется в житии или в летописи, действительно произошло. Интерес древнерусского читателя был прикован к истории. Древнерусский читатель не интересовался бы произведением, если бы знал, что сюжет его вымышлен и герои его никогда не существовали».⁵⁹

Об этом давно уже говорил М. Горький, который верно понял и правильно объяснил искусство восточноевропейского средневековья. В 1896 г., отвечая в «Нижегородском листке» художнику А. А. Карелину, М. Горький писал: «Художник средних веков, изображая религиозный сюжет, был глубоко убежден в том, что изображает действительность, правду... Религиозное предание принималось художником за факты. Художник был проникнут сознанием его буквальной правды и передавал его как действительность». И далее: «Художник той эпохи изображал не грезы и отвлечения, а документы и факты».⁶⁰ М. Горький говорил в данном случае о византийском искусстве, но с полным правом его слова могут быть отнесены, конечно, и к древнерусскому искусству.

Хотя искусство древней Руси являлось в значительной степени религиозным, ибо в средневековьи богословие господствовало «во всех обла-

⁵⁶ В. Белинский. Письмо к Гоголю. Собрание сочинений в трех томах, т. III. М., 1948, стр. 710.

⁵⁷ А. А. Федоров-Давыдов. Из истории древнерусского искусства, стр. 73—74.

⁵⁸ Н. Кондаков. Русская икона. Текст, ч. 1. Прага, 1931, стр. 266.

⁵⁹ Д. Лихачев. 1) Возникновение русской литературы. М.—Л., 1952, стр. 195—196; 2) О летописном периоде русской историографии. Вопросы истории, № 9, 1948, стр. 23—24.

⁶⁰ М. Горький. Ответ А. А. Карелину. Нижегородский листок, № 219, от 6-го августа 1896 г.